

Сандра Браун
Держи меня крепко
Серия «Colombina»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11084767
Сандра Браун. Держи меня крепко: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81359-9

Аннотация

Энди Мэлоун отправляется в маленький тexasский городок, чтобы взять интервью у знаменитого генерала Рэтлифа, чья жизнь долгие годы была скрыта от общественности. Враждебно настроенный сын генерала, Лайон, изрядно осложняет ей работу. Энди уверена – Рэтлифы что-то скрывают и Лайон боится, что она докопается до истины. В погоне за сенсацией Энди сталкивается то с любовью Лайона, то с его ненавистью, влюбляется сама и с замиранием сердца ждет момента, когда ей придется сделать выбор между долгом и любовью...

Книга также издавалась под названиями «Прайм-тайм», «Последнее интервью».

Содержание

1	5
2	15
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сандра Браун

Держи меня крепко

Sandra Brown

Prime Time

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Prevodi.

Translated from the English Prime Time © 1983 by Sandra Brown.

First published in United States by Dell Publishing, New York

© Черташ А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1

– Вы уверены, что он сегодня здесь появится? – не скрывая нетерпения, спросила Энди Мэлоун, пытаясь поудобнее устроиться на высоком табурете у стойки бара.

И кому только пришло в голову назвать это изобретение мягким табуретом? То, что находилось под красной дерматиновой обивкой, было комковатым и твердым.

– Конечно же, нет. – Гейб Сандерс, владелец и шеф-повар «Гейб’с Чили Палор», вонзил грубоватым муслиновым полотенцем по ободку потрескавшейся, но чистой кофейной чашки. – Я всего лишь сказал, *похоже*, он сегодня появится. А это не значит, что придет обязательно. По-моему, он имеет право делать все, что ему, черт возьми, заблагорассудится.

Гейб расхохотался. Интуиция подсказывала Энди, что привлечь к себе внимание посетителей бара, а тем более проявить излишний интерес будет ошибкой. В любой момент Гейб Сандерс может счесть ее слишком любопытной залетной пташкой, и тогда уж точно из него не вытянешь ни слова.

Она с невинным видом сделала глоток остывшего чая, поданного ей в красивом пластиковом стаканчике с таким количеством нерастворившегося сахара, что ложка стояла.

– Так вы считаете, мистер Рэтлиф чересчур импульсивен?

Гейб насторожился. Он тут же прекратил бесполезные попытки отполировать безнадежно потрескавшуюся эмаль чашки, нахмурил кустистые брови, и его пронизательные глаза утратили прежнее дружелюбие.

– Почему вы задаете так много вопросов о Лайоне Рэтлифе? А?

Наклонившись к нему с видом заговорщицы, Энди сказала:

– В университете у меня была подруга из этих мест. Она рассказывала мне о человеке, который жил на большом ранчо и разъезжал на серебристом «Эльдорадо». Мне тогда казалось, что она рассказывает о каком-то киногерое.

Гейб задумчиво посмотрел на Энди, и ее самоуверенность начала медленно таять. Казалось, он видит ее насквозь. Его ироничный взгляд говорил, что она слишком стара для студентки и вся эта история про подругу – попросту выдумки.

– А кто она?

Совершенно обескураженная пронизательностью Гейба, а теперь еще и его вопросом, Энди, заикаясь, проговорила:

– Она... Это вы о ком?

– Как зовут вашу подругу? Может быть, я ее знаю. Я с сорок седьмого года продаю здесь гамбургеры и «Чили». Знаком почти со всеми семьями в Кервилле.

– О, ну тогда вы не знали ее... э... Карлу. Вообще-то она выросла в Сан-Антонио, а сюда приезжала только летом погостить у своих кузенов или что-то в этом роде.

Энди сделала большой глоток чаю, словно это был тоник-восстановитель.

Она приехала в эту холмистую местность Техаса всего несколько дней назад и все это время чувствовала себя не в своей тарелке. Осторожные, тактичные вопросы, обычно распахивающие перед ней двери, закрытые для других, на этот раз не помогли. Казалось, жители Кервилла сговорились держать в тайне все, что связано с Лайоном Рэтлифом и его отцом-отшельником.

Генерал Майкл Рэтлиф был единственным оставшимся в живых кавалером ордена Звезды. Все пять орденов он получил за доблесть и героизм, проявленные во время Второй мировой войны. Именно из-за него Энди и приехала сюда. Она поклялась, что возьмет у него интервью для своей телевизионной программы во что бы то ни стало. Поговаривали, что здоровье генерала в последнее время пошатнулось, и, если слухи правдивы, ей придется

поторапливаться. Однако пока все ее попытки связаться с ним были безуспешны. Задуманный подвиг, похоже, придется отложить.

Неожиданно она решительно вздернула подбородок и обворожительно улыбнулась, а в глубине темно-карих глаз вспыхнули огоньки.

– Мистер Сандерс, у вас, случайно, не найдется дольки лайма?¹

Ее улыбка смутила Гейба.

– Как насчет лимона? Подойдет?

– Великолепно! Благодарю вас.

К Энди вернулась былая самоуверенность. Изящным движением она откинула прядь золотисто-каштановых волос. Отец Энди, человек с поэтической искрой, однажды сравнил ее с пломбиром из ванили и «Амаретто», политым сиропом из жженого сахара. Когда не оставалось другого выхода, Энди использовала свою красоту для того, чтобы выудить информацию. Это всегда бесило ее. Конечно, было бы лучше расспросить обо всем, что ее интересует, в открытую, так, как это делают репортеры-мужчины.

Но – увы! – эта привилегия гарантирована только представителям сильного пола. Поэтому в случае крайней необходимости она пускала в ход свои женские чары. Если кто-то находит ее интересной и привлекательной, почему бы не обойтись с ним полюбознее?

Гейб вернулся с блюдцем, на котором лежали две дольки лимона.

– Спасибо.

Она выдавила сок из одной дольки в стакан, надеясь разбавить переслащенный чай, скорее напоминающий сироп.

– Вы ведь не здешняя, да?

У нее было искушение соврать Гейбу, но вдруг она почувствовала, что пора заканчивать с шутками.

– Нет. Сейчас живу в Нашвилле, хотя выросла в Индиане.

– В Нашвилле, значит? А вы не из «Грэнд Оле Опри»?

Энди рассмеялась и покачала головой:

– Нет. Я работаю на независимую кабельную компанию.

– Кабельную? – Гейб поднял брови, и Энди подумала, что это, пожалуй, самая выразительная часть его лица. – Вы, наверное, говорите про кабельное телевидение?

– Да.

– Стало быть, вас можно увидеть по телику?

– Иногда. У меня есть своя программа, которая транслируется со станций кабельного телевидения во всех штатах. Я беру интервью у интересных людей.

– Интервью? – Поверх ее плеча он оглядел уютный зальчик своего кафе, словно выискивая среди посетителей того, у кого она могла бы взять интервью. И тут его осенило: – Вы ведь не собираетесь просить Лайона, чтобы он устроил вам интервью с его папочкой, дорогуша?

– Именно это я и собираюсь сделать.

Гейб задумчиво глядел на нее.

– Значит, не было никакой подружки-студентки, так?

Энди решительно ответила:

– Не было.

– Я так и думал. – Однако в голосе его не было осуждения.

– Вы думаете, мистер Рэтлиф откажет мне?

– Черт возьми, я в этом уверен. А вот сейчас мы это как раз и выясним. Вот он собственной персоной.

¹ Лайм – вид цитрусовых. (Прим. пер.)

Энди почувствовала, что сердце ее оборвалось. Пытаясь взять себя в руки, она принялась разглядывать мокрый кружок, оставленный ее стаканом на гладкой поверхности стойки. Хлопнула дверь.

– Эй, Лайон! – крикнул кто-то из угла.

– Лайон! – окликнул его другой.

– Джим, Пит, приветствую.

Глубокий, с хрипотцой, голос оказал на Энди странное воздействие: будто сотни тончайших иголок впились ей в спину.

Энди надеялась, что он сядет рядом, на один из свободных табуретов, тогда было бы проще завязать разговор. Но по звуку шагов она определила, что он направился в противоположный от стойки конец кафе. Краешком глаза она увидела голубую рубашку.

Гейб поспешил к нему:

– Как поживаешь, Лайон? Что будешь пить? «Чили»?

– Нет, сегодня слишком жарко. Знаешь, позавчера Грейси приготовила такой «Чили», что мне понадобилась пара порций марганцовки, чтобы привести желудок в порядок.

– А не мог живот у тебя разболеться из-за жемчужин, которые ты запил тем «Чили»?

– Может быть, может быть.

Этот голос... Каким же должен быть мужчина, обладающий таким завораживающим голосом? Не в силах более сдерживать любопытство, Энди повернулась и взглянула на вошедшего в тот самый момент, когда он говорил Гейбу:

– Дай-ка мне корзиночку чизбургеров.

– Уже несу.

Энди даже не слышала, что ответил Гейб. Она была слишком поглощена человеком, который делал заказ. Он оказался вовсе не таким, каким она его себе рисовала. На вид Лайону Рэтлифу лет тридцать пять. Она же представляла его гораздо старше, вероятно, из-за того, что генералу Рэтлифу было уже за восемьдесят. Очевидно, его сын родился после войны.

Во всем облике Лайона Рэтлифа была некоторая двойственность. Греческий нос, прямые темные волосы, четко очерченные черные брови смутно напоминали Энди героев фильмов на библейские сюжеты. Но чувственный выразительный рот выдавал страстность его натуры.

– Мясо, которое ты готовишь для меня, наверное, с нашего ранчо? – спросил он Гейба.

Глубокий, с хрипотцой, голос странно волновал Энди. Казалось, если будешь слушать его невнимательно, пропустишь нечто очень важное.

– А ты как думаешь? – ответил Гейб. – Это самое лучшее мясо, которое можно купить.

Лайон рассмеялся. Потянувшись за стаканом с ледяным напитком, который Гейб поставил перед ним, он столкнулся взглядом с Энди. Буквально на секунду взгляд его серых глаз – да, отметила Энди, глаза у него были серые – задержался на ее лице, но этого было достаточно, чтобы привести ее в замешательство.

Конечно – это Энди почувствовала, – он оценил ее. Темно-карие глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, не могли оставить никого равнодушным, как и ее роскошные, цвета жженого сахара, волосы. Но не слишком ли молодит ее конский хвост, который она сегодня сделала? А вдруг – не приведи господи! – она выглядит как тридцатилетняя женщина, пытающаяся выглядеть моложе?

«Не будь психопаткой, Энди, – одернула она себя. – Ты хороша и нравишься мужчинам». Но испарина на лбу? Хотя в окне заведения Гейба и висела хвастливая вывеска двадцатилетней давности, возвещающая, что в помещении всегда свежий кондиционированный воздух, Энди чувствовала, что все ее тело покрыто липкой влагой. А вдруг он заметил

это? Она неожиданно почувствовала себя так, словно ее живую уложили на стол и сделали вскрытие, а Лайон Рэтлиф – патологоанатом, исследующий очередной экземпляр.

Когда его взгляд остановился на ее губах, Энди не выдержала. Отвернувшись, она судорожно схватила стакан с чаем и поднесла к губам. И тут же с ужасом подумала, что этим привлекла еще большее внимание.

Да что с ней такое происходит! Ей же надо делать дело. Уже три дня она охотится за этим человеком, пытаясь узнать хоть что-нибудь о нем самом и его отце, буквально подбирая любые крохи информации, не отчаиваясь даже тогда, когда в ответ на свои вопросы слышала откровенную грубость. Часами она просиживала в этом мерзком салоне красоты и слушала местные сплетни, все это время вежливо, но твердо отказываясь от услуг парикмахерши, предлагавшей ей сделать химическую завивку, «просто чтобы придать волосам форму». Единственное, что она там узнала, так это то, что Лайону пришлось пропустить последние танцы в местном клубе, так как здоровье его папочки ухудшилось, а для благоустройства ранчо были заказаны новые саженцы. И еще она услышала, что маникюрша, живущая в их доме, прошла обучение у маркиза де Сада.

И вот теперь он сидит здесь, всего в нескольких футах от нее, а она впервые в жизни лишилась дара речи. Где же ее хладнокровная самоуверенность? Поразительная настойчивость, которая всегда позволяла ей добиваться своего, покинула Энди. Она встречалась с королями, премьер-министрами и президентами, включая двух президентов Соединенных Штатов, и ни один из них не заставил ее трепетать. *А этот... Этот ковбой не успел зайти в обшарпанную забегаловку, как я вспыхнула до корней волос.*

Пытаясь совладать с собой, Энди демонстративно взглянула на Лайона. В ответ – взгляд, наподобие дорожного катка начисто сокрушивший ее решимость.

Да, я слышал о равноправии полов и считаю, что это в некотором роде здорово, но в данный момент ты меня интересуешь как женщина, и ни черта ты не можешь с этим поделать.

Она поняла его молчаливое послание так же ясно, как если бы он сказал это вслух.

Ладно, но кое-что все-таки было в ее силах. Она заставит его прекратить думать о том, о чем он думает. В спокойной, профессиональной манере она скажет ему, кто она такая и что здесь делает, как только он покончит со своим чизбургером.

Энди сделала вид, что изучает заляпанное жирными пятнами меню Гейба. На протяжении многих лет оно оставалось неизменным. Единственное, что менялось, – это новые цены, намалеванные поверх старых. Она заставила себя выпить еще один стакан отвратительного сахарного сиропа и принялась наблюдать за мамашей, утирающей мордашку маленькому сыну. Все ее усилия были напрасны: как только она запихивала ему в рот очередную ложку жареного картофеля, на подбородке малыша вновь появлялась полоска красного соуса.

Наконец Энди посмотрела на Лайона: он уже почти покончил с едой. И, медленно потягивая кофе, уверенно обхватил чашку длинными, тонкими, сильными пальцами. Лайон смотрел в окно и, казалось, целиком был поглощен созерцанием уличной суеты.

Неожиданно он отвернулся от окна, будто внезапно утратил интерес к уличным картинам, и в упор взглянул на Энди. Та улыбнулась, страстно надеясь, что ее улыбка не показалась ему глупой дежурной улыбкой флиртующей девицы.

– Привет, – как можно непринужденнее сказала она, подходя к нему.

С едва скрытым изумлением Лайон медленно оглядел ее с головы до ног. Однако изумление очень скоро уступило место другому выражению. Энди поежилась. Неужели он прирек, что к нему в кафе подходят незнакомые женщины?

– Салют. – И больше ни слова в ответ.

Итак, ее задача оказалась еще трудней, чем она предполагала. О'кей, мистер Рэтлиф. Она глубоко вздохнула и назвала себя:

– Меня зовут Андреа Мэлоун.

Выражение его лица резко изменилось, а глаза под темными бровями мгновенно стали жесткими и холодными как лед. Он долго не спускал с нее пристального взгляда, а потом отвернулся. Словно ее вовсе не существовало, небрежно взял свою чашку и сделал глоток кофе.

Энди нерешительно посмотрела на Гейба, который делал вид, что наполняет солонку, а на самом деле весь обратился в слух, потом снова на Лайона.

– Я сказала, меня...

– Я знаю, кто вы, миссис Мэлоун, – он снисходительно усмехнулся. – Вы из Нашвилла. Из «Телекс Кейбл Телевижн Компани».

– Значит, вы по крайней мере прочитали обратный адрес, прежде чем отослать мои письма нераспечатанными. Так? – Она надеялась, что ее слова прозвучали вызывающе.

– Совершенно верно. – Он сделал еще глоток кофе.

Его показное безразличие выводило ее из себя. Энди с трудом подавила желание выхватить у него кофейную чашку, если это вообще физически возможно, и зашвырнуть ее подальше – просто так, чтобы привлечь его внимание. Впрочем, Энди прекрасно понимала, что подобные шутки с Лайоном – достаточно было взглянуть на него! – могут печально закончиться. Смирив себя, она попыталась счастья еще раз:

– Видите ли, мистер Рэтлиф...

– Мне известно, чего вы хотите. Мой ответ – нет. По-моему, я написал вам об этом в ответ на ваше первое письмо достаточно определенно. Это было единственное письмо, на которое я ответил. Тогда я посоветовал вам побережь свои силы, время, деньги и, – он иронично оглядел Энди, – вашу новую одежду. Я никогда не разрешу вам взять у моего отца интервью. Так я ответил тогда, и мое решение не изменилось по сей день. – И он снова беспардонно повернулся к ней спиной.

Собираясь в Техас, Энди полагала, что джинсы и тяжелые ботинки будут соответствовать местному колориту. Неужели эта одежда выглядит на ней настолько нелепо? Хорошо. Она совершила грубую ошибку. Возможно, в последние дни она вела себя непрофессионально, собирая информацию тайком, но теперь пути назад нет.

– Вы даже не выслушали моего предложения, мистер Рэтлиф. Я...

– Ничего не хочу слышать. – Он снова взглянул на Энди, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела, сколько в его глазах злости. – Никаких интервью с моим отцом. – В его тихом голосе звучало напряжение. – Он старый человек. И к тому же нездоров. Другие журналисты, большие профессионалы, чем вы, приезжали просить его дать интервью. Ответ всегда был неизменным – нет.

Он решительно встал с табурета, и только сейчас Энди поняла, насколько он высок. Отступив на шаг, она, не говоря ни слова, смотрела, как он расплачивается с Гейбом. Судя по ценам, указанным в засаленном меню, он оставил денег почти в два раза больше стоимости чизбургера.

– Спасибо, Гейб. Увидимся.

– Пока, Лайон.

Обойдя девушку, он направился к двери. Энди поверить не могла, что ее так бесцеремонно отшили.

– Мистер Рэтлиф, – бросилась она за ним.

Лайон остановился и медленно обернулся. Энди показалось, что в нее метнулись сотни маленьких шпаг.

– Я не люблю женщин, которых в народе называют «бой-баба», миссис Мэлоун. А вы производите на меня именно такое впечатление. Я никому не позволю брать интервью у

моего отца, особенно вам. Почему бы вам не упаковать свои новые шмотки и не обратиться восвояси в Нашвилл?

* * *

В маленькой душевной комнате гостиницы Энди швырнула сумочку на кровать и рухнула в кресло. Обхватив ладонями лоб, она начала массировать виски большими пальцами. Энди не знала, что было причиной дикой головной боли – жара ли, засушливый климат или Лайон Рэтлиф. Он. Несомненно, это из-за него.

Отдохнув несколько минут, Энди встала, стащила ботинки и пинком отправила их в угол.

– Спасибо за то, что ничего не вышло.

Пройдя в ванную, она проглотила две таблетки аспирина, запила их теплой водой из крана с надписью «холодная».

– Почему ты не врезала по его самодовольной физиономии? – спросила она свое отражение в зеркале. – Почему ты стояла, как большое чучело, и молча сносила оскорбления? – Она сняла заколку с волос и тряхнула головой. Боль стала еще сильнее. – Потому что ты хочешь получить это интервью. Вот почему.

Энди с ужасом подумала о том, что нужно звонить Лесу. Что она ему скажет? Он не любил разочарований, мягко говоря. Набирая междугородный номер, она прокручивала в голове все варианты разговора. Оператор на коммутаторе соединила ее с кабинетом Леса, и она услышала его ворчливый голос:

– Да?

– Привет, это я.

– Ну-ну, а я-то уж начал думать, что тебя взяли в заложники погонщики скота или что-то в этом роде. Очень мило с твоей стороны, что нашла время позвонить.

Сарказм. Сегодня он настроен саркастически. Энди восприняла это со смирением, как, впрочем, и любое из настроений Леса.

– Мне очень жаль, Лес, но мне нечего было тебе сообщить, поэтому я не звонила. Помнишь, в прошлом месяце ты делал нам внушение, чтобы мы не звонили без дела по междугородной связи?

– Но, Энди, детка, к тебе это не относится, – сказал он чуть сердечнее. – Как обстоят дела в стране коров?

Потирая лоб, она ответила:

– Не слишком хорошо. В первые несколько дней мне не удалось ничего сделать. Единственное, что я выяснила точно, – вокруг дома собираются делать новые посадки. Вот так. Да, еще узнала, где иногда ест Лайон Рэтлиф-сын, когда приезжает в город. Сегодня имела удовольствие познакомиться с этим джентльменом.

Она устала на ноги в нейлоновых чулках и пошевелила пальцами. Странно, но сейчас ей вспоминались не высокомерие и злость, с которыми он говорил с ней, перед тем как выйти из бара, а то, как он смотрел на нее, когда впервые встретились их глаза. Так она чувствовала себя в присутствии мужчины с тех пор... Нет, она *никогда* не испытывала таких чувств.

– Ну и... – нетерпеливо подгонял Лес.

– О!.. Ах, это будет очень трудно, Лес. Он упрям как осел. С ним невозможно говорить. Упрямый, грубый, ведет себя просто оскорбительно.

– Похоже, он замечательный парень, – рассмеялся Лес.

– Он вел себя возмутительно. – Она поигрывала ниткой от бахромы полосатого покрывала. – Лес, я не уверена, что мы делаем все правильно. Может, не стоит форсировать

события? Что, если старый генерал действительно слишком слаб, чтобы давать интервью? Вполне возможно, он не в состоянии выдержать съемки целой серии интервью. А вдруг он даже не в силах говорить? Может быть, мне все бросить и вернуться домой?

– Энди, малышка, да что там такое с тобой происходит? Или от техасского солнца у тебя расплавились мозги?

Вот теперь она словно воочию видела Леса. Он снимает свои длинные ноги со стола, придвигается к нему вплотную, ставит локти на крышку и принимает «честную» позу. Очки в роговой оправе либо у него на лбу, поблескивают в рыжих волосах, либо он их снял, и они лежат на столе среди переполненных пепельниц, конфетных оберток и старых сценариев. Если бы она находилась сейчас там, а не за тысячи миль, то стала бы жертвой пугающе холодных голубых глаз. Даже разговаривая по телефону, Энди чувствовала, как впивается в нее этот взгляд.

– Ты ведь не позволишь какому-то зловредному самцу стать у тебя поперек пути, правда? Малышка, ты сталкивалась с типами и похуже. Гораздо хуже. Помнишь тех болванов, что стояли в пикете? Они грозились избить нашего фотографа дубинками, а ты всего через десять минут могла кормить их с рук. Конечно, они все хотели попробовать твоего тела. Но ведь так происходит с любым, кто...

– Лес, – устало сказала она. – Умоляю тебя.

– Умоляешь меня о чем? Мне бы хотелось услышать, как ты скажешь: «Лес, умоляю тебя». Правда-правда, в любое время дня и ночи.

Она, Лес Траппер и Роберт Мэлоун начинали свою карьеру вместе на маленькой теле-студии. Лес делал выпуски новостей, Роберт был репортером. Энди составляла вечерний обзор новостей вместе с неким близоруким олухом, работавшим на телестудии со дня ее основания: руководство никак не осмеливалось его уволить.

Даже после того как они с Робертом поженились, все трое продолжали дружить. Когда Роберта пригласили корреспондентом в крупную телекомпанию и он почти все время стал проводить в разъездах, Лес помогал ей скрасить часы одиночества, но всегда только как друг.

Энди ясно, как будто это было только вчера, вспомнила ту ночь, когда к ней пришел Лес и сказал, что Роберт погиб в Гватемале, где он готовил репортаж о землетрясении. В течение долгих недель Лес не отходил от нее, пытаясь смягчить удар. И после, в течение многих месяцев со дня смерти Роберта, он оберегал ее, был щитом между ней и остальным миром. Ему нравилась роль защитника. С тех пор они продолжали оставаться друзьями и вместе работали на «Телекс».

Энди слишком хорошо знала Леса, чтобы всерьез воспринимать его непристойные намеки. Лес никогда не оставался и не останется без женщины, скорее – без женщин. Единственной настоящей его любовью всегда была и будет работа. У Леса просто болезненное честолюбие. Если он решит сострять какой-нибудь интересный или скандальный репортаж, он из кожи вон вылезет, но сделает. Это очень проникательный, практичный человек, но и его порой покидает здравомыслие, и чаще, чем этого хотелось бы. Его лексикон в основном состоит из скверных слов, а настроение всегда непредсказуемое.

И все же он ее друг. И начальник. Поэтому ей следует быстренько придумать какой-нибудь выход.

– А что, если я уговорю Лайона Рэтлифа дать интервью?

– Скучно до одури. Он ни черта нам не расскажет. Да кому он, к дьяволу, нужен? Нам нужен старик, Энди. И поскорее, пока он не откинул копыта. Ты все еще хочешь работать на Си-эн-эн, не так ли?

– Да, конечно. Больше всего на свете.

– О'кей, тогда прекрати ныть. – Его голос заметно потеплел. – Энди, крошка, ты запросто можешь обойти мальчиков и девочек из главной компании. У тебя талант. Ты самый луч-

ший репортер в Штатах. Ты заставляешь плакать убийцу-маньяка. Я сам это видел, даже без очков. Ты молода, красива, черт возьми, до одури соблазнительна с этими твоими золотистыми глазами и великолепной фигурой. Соблазни этого ковбоя и...

– Лес.

– О да, чуть не забыл. Я разговариваю с самой фригидной женщиной, созданной когда-либо специально для того, чтобы причинять страдания мужчинам. Послушай, Энди, ты для кого все это бережешь? Мне прекрасно известно, что не для меня и не из-за того, что ты никому не нужна. После смерти Роберта ты превратилась в девственницу-весталку. Боже мой, три года! Расслабься немного, детка. Взмахни своими длинными ресницами, и коровий пастух будет у тебя в руках.

Она чуть не рассмеялась. Лайон Рэтлиф в чьих-то руках! Но вместо этого устало вздохнула.

В какой-то степени Лес прав. Работа была ее жизнью. Возможно, потому, что Роберт погиб в командировке, или потому, что отец ее был известным журналистом, но Энди Мэлоун чувствовала, что она просто обязана преуспеть в журналистике.

Энди не считала работу в «Телексе» вершиной успеха. Она хотела работать на национальную телевещательную компанию. И если она сделает интервью с генералом Майклом Рэтлифом, руководство главной компании обязательно обратит на нее внимание.

– Хорошо, Лес. Я не согласна с твоими методами, но мне нужен тот же результат. Попробую сделать второй дубль.

– Вот это умница. Ты что-то говорила насчет новых посадок на его ранчо? Может, ты проберешься туда под видом какого-нибудь деревца?

– Идиот, им нужны не деревья, а кустарники. Вечнозеленые и цветущие.

– Ну, дорогая, я не разбираюсь в кустарниках, но обычно использую их по прямому назначению.

– Ну ладно, Лес. Пока.

– Пока. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. До встречи.

* * *

Остаток дня Энди провела, лежа в шезлонге у бассейна при гостинице, искренне полагая, что она честно заработала полдня отгула. Трое подростков, проезжавших мимо на грузовике, выразительно свистнули, оценив ее пляжный костюм. Как безобидны их заигрывания!

Совсем другое дело Лайон Рэтлиф.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как она подверглась внимательному осмотру его глаз, и вот сейчас одно лишь воспоминание о нем вызывало давно забытые ощущения. Энди чувствовала, как пульсирует ее кровь, и каждый толчок наполнял ее жизнью, напоминая о том, что она не погибла вместе с Робертом.

Спустя некоторое время Энди отправилась в маленькой спортивной машине, взятой напрокат, к небольшой шашлычной, купила сочных сэндвичей и вернулась в гостиницу. Включила телевизор, но глупые «комедии положений» и варьете-шоу вскоре ей наскучили. Она взяла последний бестселлер о пылкой любви. Главный герой был зеленоглазым блондином, но воображение рисовало Энди только темные волосы и серые глаза, ироничный взгляд, чувственный рот, жесткий в гневе, но обещающий незабываемые поцелуи, высокую фигуру, загорелое, мужественное, грубовато-красивое лицо. Герой книги явно проигрывает Лайону Рэтлифу.

– Это самый грубый из всех мужчин, которых мне доводилось видеть! – воскликнула Энди, швырнув в сердцах роман, и пошла проверить, заперта ли дверь.

Прежде чем выключить свет, Энди взглянула на свое отражение в зеркале.

– Да, кое в чем он прав, – сказала она себе. – «Она» действительно «аккуратненькая».

* * *

Когда Энди проснулась в то памятное утро, в ее голове уже созрел план.

Из подслушанного в салоне красоты разговора она помнила, что Лайон Рэтлиф заказал новые саженцы для ранчо. Жена владельца питомника гордо возвестила всем, что именно ее мужу предстоит доставить посадочный материал в четверг утром.

«Может, ты проберешься туда под видом деревца...» Энди поблагодарила Леса за сказку. Надев летний костюм из тяжелого шелка и легкую, без рукавов, шифоновую блузку цвета коралла, Энди придирчиво оглядела себя в зеркале. Что ж, выглядит она вполне профессионально! Но нужен последний штрих... Волосы собрать в пучок!

Сев в машину, Энди направилась в сторону ранчо Рэтлифов. Примерно в миле от их дома она съехала на обочину и остановилась, от всей души надеясь, что не опоздала.

Просидев так минут двадцать, Энди услышала звук мотора, приближающийся со стороны города. Она выглянула в окно и увидела грузовичок с саженцами.

Выскочив из машины, Энди подняла руку с беспомощным, несчастным видом.

Как она и ожидала, грузовичок остановился на обочине в нескольких метрах от машины. Энди подбежала как раз в тот момент, когда водитель вылезал из кабины.

– Большое спасибо, что остановились.

– Утро доброе, маленькая леди. Что случилось с вашей машиной?

Она выдавила из себя фальшивую улыбку.

– Не знаю, – сказала Энди упавшим голосом. – Я направлялась на ранчо Рэтлифов. Я и без того уже опаздывала к Грейси, а теперь еще это! Наверное, она уже волнуется. Не могли бы вы подвезти меня до ближайшего телефона?

Энди не имела ни малейшего понятия, кто такая Грейси, только слышала, что именно это имя упоминал Лайон в кафе Гейба. Это могла быть родственница, кухарка, экономка или... жена. Встречалось ли ей где-нибудь в газетах упоминание о том, что он женат? И почему ее так расстраивает эта мысль?

Как бы то ни было, а ее хитрость сработала. Хозяин питомника радушно улыбнулся:

– Я как раз еду на их ранчо и, если не возражаете, подвезу вас.

Энди почувствовала, как бешено забилось ее сердце.

– Не может быть! Вы мой спаситель. Но я действительно вам не помешаю? – нерешительно спросила она, одарив спасителя очаровательной улыбкой.

– О чем разговор! Конечно, нет.

– Тогда, пожалуйста, я заберу сумочку и закрою машину.

Энди легко побежала к машине, благодаря звезды за то, что они послали ей человека, которого так легко одурачить. Он даже не спросил, по какому делу она туда едет!

Подножка грузовика оказалась довольно высокой, а юбка – слишком узкой, поэтому, забираясь в кабину, Энди испытывала некоторую неловкость. Однако мистер Хьютон, так он представился, оказался настоящим джентльменом и скромно отвернулся.

В кабине было шумно, пыльно и пахло землей и удобрениями. Всю дорогу Энди болтала о разной чепухе. Наконец они оказались перед воротами, за которыми начиналось ранчо Рэтлифов. Мистер Хьютон нажал на педаль, и тормоза пронзительно взвизгнули.

Очевидно, Лайон предупредил охрану о прибытии грузовика из питомника, поэтому ворота широко распахнулись, и охранник в ковбойской шляпе махнул им рукой, указав на асфальтированную дорогу, ведущую к дому. Если он и заметил Энди, которая была совсем

не похожа на садовника, то виду не подал. И все же, когда они проехали ворота, Энди облегченно вздохнула.

– Мне нужно подъехать к восточной стороне, где меня будет ждать мистер Рэтлиф, а вас я высажу у парадного входа.

– Замечательно, – улыбнулась Энди.

Даже более замечательно, чем она предполагала. Значит, какое-то время Лайон будет занят. Лайон? Она подумала просто «Лайон»?

– Еще раз благодарю вас, мистер Хьютон, – сказала Энди, когда грузовичок остановился.

– Всегда рад помочь, маленькая леди. Надеюсь, с вашей машиной ничего серьезного.

Энди спрыгнула с подножки, осторожно прикрыла дверь, чтобы не привлекать излишнего внимания, и медленно направилась к дому, уютно устроившемуся среди тополей, дубов и ореховых деревьев.

Это было двухэтажное здание из белого кирпича, крытое красной черепицей. Фасад украшали четыре арки, за которыми виднелись широкие окна и двери парадного входа. Арки поддерживали огромный открытый балкон, с которого свешивались цветочные корзины с восхитительными петуниями, бегониями и шток-розами. Такой дом скорее можно было бы увидеть в Южной Калифорнии, а не на техасских равнинах.

Подойдя к дому и делая вид, что любуется цветами, Энди ждала, когда мистер Хьютон на своем грузовичке скроется из виду. Наконец грузовик завернул за угол, и Энди шагнула в тень балкона. Чувствуя себя преступницей, она подкралась к окну и заглянула в него, пытаясь разглядеть, что находится внутри. Она увидела комнату с высокими потолками и великолепной мебелью. Энди скользнула ко второму окну. За ним была гостиная с огромным камином, диваном и стульями. Третьим шел кабинет с массивным столом, заваленным бумагами, и книжными полками на стенах, затем столовая. Наконец Энди добралась до последнего окна. Видимо, это была оранжерея: комнату заполняли тропические растения, одна из стен целиком была стеклянной. Под потолком крутился вентилятор.

В инвалидном кресле сидел старик и читал... А может, спал? Энди обогнула дом и, увидев стеклянную дверь, заглянула внутрь. Он читал. На коленях у него лежала книга. Старик медленно переворачивал страницы, поглаживая их морщинистыми руками. На носу с горбинкой – очки в оправе.

– Входите, миссис Мэлоун, – даже не обернувшись к ней, сказал старик.

2

Энди была потрясена. Она не могла сказать, что удивило ее больше: то, что старик знал, кто она, или добродушная улыбка, которой он ее встретил. Генерал поразил ее не меньше, чем его сын.

Она ожидала увидеть человека, примерно похожего на портрет генерала Пэттона кисти Джорджа Скотта. Где же строгость, присущая заправским военным? Генерал Майкл Рэтлиф был само добродушие. Он не был похож на фотографии сорокалетней давности, которые видела Энди. Человек на них мало походил на хрупкого старца в инвалидном кресле.

Казалось, старый генерал был доволен тем впечатлением, которое произвел на Энди. Его явно забавляли растерянность и недоверие, читавшиеся на ее лице.

– Подойдите, пожалуйста, поближе, миссис Мэлоун, чтобы я мог лучше вас разглядеть.

Энди толкнула стеклянную дверь и вошла в оранжерею.

– Вы генерал Рэтлиф? – нерешительно спросила она.

– Ну разумеется, – рассмеялся старик.

– А как... – Энди поперхнулась. – Как вы узнали, кто я? Разве вы ждали меня?

У нее мелькнула мысль, что Лес позвонил генералу и попросил его дать согласие на интервью. Но нет, Лес так не мог сделать, это было не в его правилах. И, кроме того, никому не удалось бы поговорить с генералом, не переговорив предварительно с Лайоном. А Лайон не из тех, кого легко уговорить поменять решение.

– Да, я вас ждал, – ответил генерал, не утруждая себя дальнейшими объяснениями. – Присаживайтесь, прошу. Не желаете ли выпить что-нибудь?

– Нет-нет, спасибо.

Энди неожиданно почувствовала себя школьницей, уличенной в озорной проделке. Она присела на краешек плетеного кресла с высокой спинкой. Пристроив рядом с собой на сиденье маленькую сумочку, одернула юбку и выпрямилась.

– Вы ведь даже не смотрели в мою сторону. Как вам удалось...

– Военный опыт, миссис Мэлоун. У меня всегда были уши как локаторы. Мой великолепный слух был настоящим проклятием для младших офицеров. Они не могли посплетничать обо мне за моей спиной. – Он снова рассмеялся.

– Но откуда вы знаете мое имя?

Несмотря на то что ее застали на месте преступления, Энди была счастлива. Наконец-то она встретила лицом к лицу с одним из самых знаменитых героев войны. Теперь, правда, тело его одряхлело, но мозг оставался острым как бритва. Водянистые глаза слезились, но замечали они, показалось Энди, гораздо больше, чем сам генерал хотел показать. К тому же он обладал необыкновенной проницательностью.

– Вы видели мои телевизионные программы?

– Нет, мне очень жаль, но я не видел ни одной. Я знаю, кто вы такая, потому что Лайон рассказал мне, что встретил вас вчера в городе.

Лицо Энди мгновенно превратилось в маску безмятежного спокойствия.

– Неужели? – холодно сказала она. – А сказал ли он вам, как он был груб со мной?

Старик рассмеялся громким лающим смехом, вызвавшим у него сильнейший приступ кашля. Не имея ни малейшего представления, что нужно делать в этом случае, и боясь даже думать о последствиях, случись с ним что-нибудь, Энди подбежала к генералу.

Приступ наконец затих, и Майкл Рэтлиф махнул рукой, давая понять, что она может вернуться в свое кресло. Глубоко вздохнув несколько раз, он сказал:

– Нет, Лайон ничего не говорил о вашей встрече, но это на него похоже.

Генерал вытер слезящиеся глаза белым батистовым платком, и – Энди могла бы поклясться – в его глазах промелькнуло хитровато-шаловливое выражение.

– Лайон мне сказал, что очередная пиявка из прессы шастала по городу, вынюхивая и задавая вопросы. Он назвал вас... дайте-ка подумать... любопытной сучкой. Да, думаю, именно так он сказал. И продолжал в том духе, что вы, без сомнения, надеетесь с помощью своего личика и фигурки выудить из живой мумии «историю». А после этого описал мне вас в мельчайших подробностях.

Густая краска залила щеки Энди. От злости она даже заскрежетала зубами. Какая мерзость! *Пиявка. Сучка.* Да как он смеет?!

Энди усилием воли подавила гнев, охвативший ее: она понимала, что генерал с интересом наблюдает за ее реакцией.

– Генерал Рэтлиф, я хочу, чтобы вы знали: ваш сын заблуждается на мой счет. Я действительно расспрашивала людей о вас и вашей жизни здесь, на ранчо, но только потому, что я хочу...

– Вам вовсе не нужно оправдываться передо мной, миссис Мэлоун. Я только лишь рассказал вам, какое впечатление вы произвели на Лайона. А для того, чтобы я мог составить свое собственное мнение, позвольте мне задать вам несколько вопросов. Вы работаете на кабельное телевидение и хотите сделать со мной интервью. Верно?

– Да, сэр. Мы, то есть я хочу сделать серию интервью, которые бы выходили в эфир по вечерам в течение недели. Каждое по полчаса.

– Почему?

– Почему? – повторила она, не понимая вопроса.

– Почему вы хотите делать интервью именно со мной?

Мгновение она смотрела на него в замешательстве, потом, слегка тряхнув головой, сказала:

– Генерал Рэтлиф, вы часть американской истории. Ваше имя будет в каждой книге о Второй мировой войне. Многие годы вы жили в уединении на этом ранчо, и американцам любопытно: отчего так? Они хотят знать, чем вы занимаетесь.

– На это я могу ответить одним словом – ничем. Просто сижу здесь день за днем, старею, дряхлею, жду смерти. – Он поднял руку, заметив, что она собирается возразить. – А теперь, миссис Мэлоун, послушайте: если нам когда-нибудь предстоит работать вместе, то мы должны быть взаимно откровенны. Я скоро умру. Я долго этого ждал и даже предпочел бы, чтобы это произошло скорее. Я устал быть старым и бесполезным.

Энди нечего было на это сказать, некоторое время они сидели молча. Первым заговорил генерал:

– Предположим, я соглашусь на это интервью. Но вы будете соблюдать условия, скажем так, моей капитуляции?

Сердце у Энди учащенно забилось. Он готов согласиться!

– Да, сэр.

– Очень хорошо. Можете делать свое интервью, миссис Мэлоун. Только не пойму, почему вам интересен именно я, а не другой, более выдающийся человек.

– Вы неординарный человек, поистине выдающаяся личность. – Она действительно так считала.

Он рассмеялся, и на этот раз мягко:

– В дни моей молодости, возможно. Ну а теперь к моим условиям. Вы можете задавать любые вопросы о моем детстве, школьных годах, воинской учебе, о карьере до и во время войны. Кстати, во время Первой мировой я был пехотинцем. Вам это известно? – И, не дожидаясь ее ответа, продолжил: – Вы можете спрашивать меня о войне в целом, но я не стану обсуждать отдельные сражения.

– Очень хорошо!

– Я откажусь отвечать, если вы станете расспрашивать о них.

– Понимаю.

На самом деле она ничего не поняла, но сейчас была готова согласиться на что угодно, только бы получить возможность сделать интервью.

– Когда мы начнем? Сегодня?

Энди улыбнулась:

– Нет. Сегодня вечером я свяжусь со своей съемочной группой, и через день или два они придут сюда с аппаратурой и оборудованием.

– Интервью будет снято как кино?

– На видеопленку.

– На видеопленку, – задумчиво повторил старик, словно не совсем понимая, в чем разница.

– Это то же самое, что кино, только лента похожа на магнитофонную. – Он важно кивнул. – А до приезда группы мне хотелось бы осмотреться, выбрать место для съемок. Мне не хочется делать всю серию в одном и том же месте.

– У нас будет возможность получше узнать друг друга. – Он заговорщицки подмигнул ей. – Сколько времени займут съемки?

– Мы будем работать каждый день столько, сколько позволит ваше самочувствие. Я думаю, что, если в день мы будем снимать полную полчаса, мы закончим...

– Вы уже закончили.

Энди резко обернулась и в проеме двери увидела Лайона. На фоне солнечного дня его фигура вырисовывалась зловещим силуэтом.

– Входи, Лайон. Насколько я знаю, ты уже знаком с нашей гостьей, миссис Мэлоун.

Рэтлиф-младший вошел в комнату. Не обращая внимания на попытки отца настроить его на миролюбивый лад, Лайон неприязненно уставился на Энди:

– Какого черта вы здесь делаете?

Энди вскочила на ноги:

– Вам прекрасно известно, что я здесь делаю.

– Вы проникли в мой дом обманом. Мы с мистером Хьютоном разгрузили уже второй ряд ящиков с рассадой, когда он упомянул о несчастной маленькой леди, которую подбросил сюда, чтобы она не опоздала на свидание с Грейси из-за того, что у нее якобы сломалась машина. У Грейси, насколько я знаю, отродясь не было ни с кем «встреч». Я сложил два и два, и ответ указал на вас. А теперь, миссис Мэлоун, вы отправитесь восвояси. С применением силы, если потребуется.

У Энди не было ни малейшего сомнения, что он говорит серьезно. Но тут вмешался отец:

– Лайон, твоя мать была бы очень огорчена отсутствием у тебя хороших манер, особенно по отношению к леди. Я согласился дать миссис Мэлоун интервью.

Если бы Лайона ударили лопатой, он бы выглядел менее ошарашенно.

– Папа... ты... уверен?

Он опустился на колени перед инвалидным креслом и положил свою огромную загорелую руку на плечо генерала Рэтлифа.

– Папа, ты уверен? – повторил он.

Неожиданная нежность, прозвучавшая в его голосе, ошеломила Энди.

Генерал пристально посмотрел на сына:

– Да, уверен. Я не согласился бы ни на какие другие интервью, но миссис Мэлоун так очаровательна, что я не в силах отказать.

– Очаровательна, – фыркнул Лайон, поднимаясь на ноги. – Только не позволяй ей уговорить тебя делать то, чего ты не хочешь.

– Лайон, хоть раз в жизни я показал себя человеком легковверным? – тихо спросил он. – Не беспокойся. Все будет в порядке. Я хочу это сделать.

– Замечательно.

– Ну что ж, миссис Мэлоун, похоже, все улажено, – сказал генерал с приятной улыбкой.

– Благодарю вас, генерал Рэтлиф. Зовите меня, пожалуйста, Энди.

– Вы мне нравитесь, Энди.

– Вы мне тоже.

– Извините, – в голосе Лайона звучала враждебность, – я должен вернуться к работе.

– Лайон, пусть все закончит мистер Хьютон. Он знает, что делать. А ты отвези Энди в гостиницу, заберите ее вещи и возвращайтесь с ними сюда.

Энди и Лайон в немом удивлении уставились на генерала Рэтлифа. Наконец Энди обрела дар речи:

– Н-н-но я остановилась в мотеле «Рай на холмах» и уверяю вас, что мне там достаточно удобно.

– Но не так удобно, как будет здесь, – дружелюбно сказал генерал. – Вы еще не пробовали стряпню Грейси.

«Значит, – думала Энди, – Грейси – это кухарка».

– Кроме того, а что, если мне захочется излить перед вами душу, а вас как раз не будет рядом? Вы ведь не можете упустить такую возможность? Как ни крути, вам лучше оставаться под этой крышей до конца съемок.

– Но моя группа остановится в мотеле и...

– А сколько человек в вашей группе?

– Четыре.

– Тогда мы разместим их во флигеле. Там полно места. И больше никаких возражений, – сказал генерал категорическим тоном. – Мы с Лайоном слишком одиноки. Ваше присутствие внесет приятное разнообразие в нашу жизнь. – Он включил моторчик коляски. – А теперь прошу извинить меня. Увидимся за ленчем.

Энди осталась наедине с Лайоном. Должно быть, он хорошо знал, какой великолепный слух у отца. Он дождался, пока коляска исчезнет из вида, и только потом повернулся к Энди:

– Наверное, вы очень гордитесь собой? – В серых глазах она прочла осуждение.

– Да, горжусь. Ваш отец охотно согласился на интервью. Вы могли бы избавить нас от разного рода неприятностей и потери времени, если бы передали ему мою просьбу несколько месяцев назад, а не возвращали мне письма нераспечатанными.

– Он согласился на интервью, а я – нет. – Лайон смерил ее насмешливым взглядом. – Разве ваша жизнь недостаточно интересна? И что только заставляет некоторых совать нос в жизнь других людей? Это доставляет вам какое-то особое удовольствие?

Как ей была ненавистна его кривая ухмылка!

– Я не *сую нос*. Я всего лишь хочу поговорить с вашим отцом и записать эти разговоры на пленку, чтобы их могли услышать тысячи людей, которым интересно то, о чем он будет рассказывать.

– Звучит очень здорово, миссис Мэлоун. Благородно и прямо.

Насмешливая улыбка исчезла с его лица словно по мановению волшебной палочки. Лайон стал серьезен, только линия губ выдавала решимость. Он грубо схватил Энди за руку повыше локтя и рванул к себе.

– Но я вас предупреждаю: если вы сделаете что-нибудь, хоть что-нибудь, что расстроит моего отца или повредит ему, то молитесь богу. Вы хорошо меня поняли?

У Энди перехватило дыхание, когда она оказалась так близко от него, но она заставила себя выдать:

– Да.

Он смотрел на нее сверху вниз, недоверчиво покачивая головой. Энди замерла. Она не могла дышать. Не смела. Ей казалось, что они стоят в этой двусмысленной позе, напоминающей не то борцовскую схватку, не то объятия любовников, целую вечность.

Наконец Лайон осознал всю пикантность ситуации. Он неожиданно и резко отпустил ее, словно счел опасной эту близость.

– Поехали за вашими вещами. – Тон, которым было сделано это предложение, напоминал скорее ворчание злобной собаки. – Я вам не такси.

Энди хотела было насмешливо отказаться от столь любезного предложения, но он уже шел к стеклянной двери. Не обращаться же к его спине! Она покорно последовала за ним на задний двор, где в одном из четырех боксов гаража стоял серебристый «Эльдорадо».

Лайон сел за руль, не удосужившись даже открыть для нее дверцу. Скользнув на сиденье, Энди громко захлопнула дверь, выразив этим свое отношение к его манерам. Он ответил ледяным молчанием. Мол, мне без разницы, что ты там обо мне думаешь. Они выехали на шоссе.

Деревья, кустарники, дома вдоль дороги сливались в одну линию, но она даже не хотела гадать, с какой скоростью они едут. Он вел машину, поставив локоть на раму открытого окна и отстукивая одному ему известную мелодию.

Ветер как сумасшедший трепал ее волосы. «Ну и пусть. Черта с два я попрошу его закрыть окно», – думала Энди.

– Это моя машина, – сказала она, когда они просвистели мимо автомобиля, стоявшего на противоположной обочине.

– Остановимся и подберем ее на обратном пути. Не хочу, чтобы с маленькой леди опять что-нибудь приключилось.

Она наградила его убийственным взглядом и отвернулась к окну.

Весь оставшийся путь они проехали молча. Наконец Лайон остановил «Эльдорадо» в нескольких шагах от гостиницы.

– Не вы одна умеете задавать вопросы, миссис Мэлоун.

Взгляд серых глаз вызвал безотчетную тревогу. Что же он выяснил о миссис Мэлоун?

– Я недолго, – сказала Энди, с облегчением выходя из машины.

Энди вошла в комнату. Не услышав за собой звука закрывающейся двери, она обернулась и увидела на пороге Лайона.

– Я помогу.

– В этом нет необходимости.

– Я этого и не говорил.

Оттеснив ее, он вошел в комнату. И сразу же комнатуха, которая и раньше казалась ей маленькой, сжалась до размеров кукольного домика.

Он улегся на кровати, а ноги в пыльных ботинках положил на спинку. Энди, оторопев, стояла посреди комнаты, безмолвно глядя на него.

– Не буду вам мешать, – сказал он.

Энди повернулась к нему спиной и открыла чемодан. В бешенстве она стала срывать одежду с вешалок и швырять как попало в чемодан, подняла с пола несколько пар обуви и бросила в пакет.

– Не забудьте ботинки, – иронично посоветовал ей Лайон с кровати.

Энди резко обернулась:

– И не подумаю. Они в отдельной коробке. Огромное вам спасибо за помощь.

– Рад служить. – И снова отвратительная, наглая улыбка.

Неожиданно перед мысленным взором Энди предстала совсем другая картина: Лайон, прислонившись головой к спинке кровати, улыбается ей, но не с издевкой, а нежно, призывно. Теплая волна пробежала по ее телу, но она тотчас же постаралась подавить эти ощущения.

Подойдя к туалетному столику, стала небрежно бросать в чемодан косметику и парфюмерию. Флакончики и баночки со звоном падали друг на друга, и оставалось только надеяться, что ничего не разобьется и не вытечет.

Мельком взглянув в зеркало, Энди увидела, что Лайон следит за каждым ее движением.

– Вам что, доставляет особое сексуальное удовольствие наблюдать за моими сборами?

– Вообще-то да. Очевидно, в прошлой жизни я был тихим извращенцем.

– Вам следует пройти обследование у специалиста.

– Зачем? – Он вскинул брови. – Разве вас нервирует то, что я за вами наблюдаю?

– Вовсе нет.

В ответ он сардонически усмехнулся, как бы говоря, что не верит ей.

Энди отвела взгляд от его отражения в зеркале и положила в чемодан последнюю коробочку с туалетного столика.

Пока она укладывала в сумку свои записи, в беспорядке валявшиеся на столе, Лайон поднялся с кровати и направился в ванную. Через несколько секунд он вернулся, держа в руках малиновый бюстгальтер и трусики. Только сейчас она вспомнила, что вечером постирала их и повесила сушиться на палку от занавески.

Поймав его взгляд, Энди вспыхнула до корней волос.

– Не забудьте вот это, – нарочито вежливо проговорил Лайон и принялся методично изучать прозрачное белье – Не скажу, что для вас это была бы большая потеря. – Лайон подбросил трусики и бюстгальтер вверх, словно желая проверить, так ли они легки, как кажутся. – Тут терять-то практически нечего, – пришел он к выводу.

Энди выхватила белье. Уложив вещи в чемодан, с силой захлопнула его. Ее досада вызвала у него приступ дикого смеха.

Энди подняла чемодан, решив, что понесет его сама, но Лайон забрал чемодан, чем несказанно ее удивил.

– Вам нужно еще выписаться? – Лайон открыл дверь комнаты.

– Да, – холодно ответила она.

Ей не хотелось признаваться даже самой себе, что сердце ее бьется так сильно, что болит грудь.

– Тогда я отнесу ваши вещи в машину, а вы пока уладите все дела.

Энди не стала возражать.

– Хорошо, – сказала она и вышла из комнаты.

Служащая гостиницы была невероятно, фантастически медлительна. Рассчитать проживание за три дня оказалось для нее задачей непосильной. Наконец она заправила кредитную карточку в аппарат, и в это время к дверям медленно подъехал «Эльдорадо».

Медлительная дама задумчиво оглядела Энди:

– Это Лайон Рэтлиф.

– Да, это он. – Энди посмотрела на нее так, что та не отважилась на какие-либо вопросы или комментарии, а только хмыкнула.

Энди вышла из гостиницы и села в машину. Ей нравился запах кожаной обивки. И еще ей нравился запах Лайона. Даже когда он вошел в дом после погрузки саженцев, от него шел чистый, мускусный запах мужчины.

Он опустил стекло и включил кондиционер. Пока они не выехали на шоссе, его жужжание было единственным звуком в салоне автомобиля. Наконец Лайон повернулся к ней и спросил:

– А что подельывает мистер Мэлоун, пока вы носитесь по всей стране, вторгаясь в личную жизнь других людей?

Его оскорбительный тон обжег ее, как удар хлыстом.

– Мой муж умер.

На его лице не отразилось никаких эмоций, он только перевел взгляд на дорогу. Она тоже отвернулась.

Потом он тихо сказал:

– Мне очень жаль. Как он умер?

Ее удивило то, что он счел нужным извиниться.

– Он погиб в Гватемале, во время командировки. Землетрясение.

– Давно?

– Три года назад.

– Он тоже был репортером?

– Да.

– Работал в газете?

– На телевидении.

– Он много ездил?

– Все время. Он был помешан на своей работе.

– А вы были счастливы?

С какой стати он спрашивает о личном? Раньше он задавал вежливые вопросы незнакомца, который пытается узнать человека получше.

Энди хотелось нагрубить ему, сказать, что история ее семейной жизни не его дело. Но где-то в глубине души она чувствовала, что этого делать не стоит. Ей ведь предстоит работать с его отцом. Если она будет откровенна с Лайоном, конечно, до определенной степени, может быть, он перестанет ей мешать. Кроме того, она устала от этой игры «кто – кого», особенно с тех пор, как почувствовала, что превосходство всегда останется за ним. А вдруг удастся заключить перемирие?

– Да. Мы были счастливы, – услышала она собственный голос.

Лайон так долго на нее смотрел, что ей захотелось взять у него руль – ведь он продолжал вести машину на умопомрачительной скорости. Наконец он перевел взгляд на дорогу.

Энди чувствовала, что между ней и Лайоном существует необъяснимое напряжение от сознания близости друг к другу. Ей вдруг захотелось дотронуться до него, провести ладонью по темным густым волосам, погладить сильные руки.

– И давно вы занимаетесь этой работой?

Вопрос внезапно вернул ее к более безопасному течению мыслей. Силы одного кондиционера явно не хватало, чтобы остудить ее бурлящую кровь.

Энди откашлялась.

– С тех пор как закончила учебу. Я начинала со сценариев для рекламных роликов, работала на местной телестудии. Потом перешла в отдел новостей и в итоге стала ведущей телепрограммы.

– Но сейчас вы преимущественно занимаетесь, скажем так, разведывательной стороной вопроса.

– Да, – неуверенно произнесла она, догадываясь, куда может завести разговор.

– Интересно, почему? – размышлял он вслух. – Понимаете, иногда люди, которые много разъезжают по стране, выбирают такую работу потому, что они несчастливы дома. Скажем, вы сделали жизнь своего мужа несчастной, он отправился в Центральную Америку и там погиб. И теперь вы стараетесь заглядывать свою вину тем, что следуете по его стопам?

Это был удар. Он был слишком близок к правде. Энди ощетибилась, как раненое животное:

– Как вы смеете говорить мне такие вещи? Вы ничего не знаете ни о Роберте, ни обо мне. Вы...

– Я все о вас знаю. Вы властная, чрезмерно честолюбивая самка с раздутым «я» всего лишь потому, что вам посчастливилось иметь более привлекательную внешность, чем большинству других женщин.

Лайон резко вывернул руль и остановился на обочине у ее машины. Энди схватилась за ручку двери, но его реакция оказалась молниеносной. Он обхватил ее запястье мертвой хваткой и, склонившись к ней, грубым, хриплым голосом сказал:

– Только не думайте, что с помощью красивого личика, потрясающих ног и груди вам удастся обмануть меня. Я прекрасно знаю, что, какой бы мужчина ни отважился вас коснуться, вы останетесь твердой, как панцирь. Ваша кожа может быть мягкой и теплой, но вместо сердца у вас – кусок льда. Я очень хорошо знаю этот тип, Энди Мэлоун. Вы кастрировали бы любого мужика, который по своей глупости решил бы разбудить в вас женщину. Делайте свои проклятые интервью, но не попадайтесь на моей дороге, а я уж постараюсь держаться подальше от вас. Теперь, когда мы поняли друг друга, возможно, нам удастся кое-как терпеть совместное существование.

Лайон отпустил ее руку и распахнул дверь. Пospешно выскочив из машины, Энди очутилась на раскаленной от солнца обочине дороги. Взвизгнув покрывками, выбросив из-под колес гравий, серебристая машина рванулась прочь, оставив позади себя облако пыли.

Через десять минут Энди уже была у парадного входа. Ее встретила женщина. Без сомнения, это была Грейси. Все-таки у Лайона хватило порядочности, чтобы предупредить прислугу, что она появится с минуты на минуту.

– Похоже, вам необходимо освежиться перед ленчем, – сочувственно сказала Грейси. – Стоит такая жара. Пойдемте наверх, я покажу вашу комнату. Я никогда не видела генерала в таком возбуждении. Вам отвели самую большую спальню наверху, не считая комнаты Лайона, разумеется.

Грейси Холстед, так она представилась, была пышной женщиной с седыми волосами и по-детски счастливым круглым лицом, сразу располагавшим к себе. Она говорила с Энди ласково, словно с маленьким ребенком.

– Ну вот мы и прибыли. – Грейси открыла двери просторной комнаты, залитой солнечным светом.

Комната выходила на южную сторону. За окном насколько хватало глаз тянулись округлые холмы. Вдали можно было разглядеть мирно пасущихся коров. Недалеко от дома протекала река. Причудливо изогнувшись, она пересекала владения Рэтлифов. По ее берегам высились грациозные кипарисы.

– Это наша река Гваделупа.

– Как здесь красиво! – Энди имела в виду все вместе: вид из окна, комнату, дом.

– Да. Я живу здесь с тех самых пор, как генерал Рэтлиф построил этот дом. Мне никогда не надоедает смотреть на эти холмы. А вы видели бассейн? Генерал говорит, что вам нужно посмотреть все.

– Благодарю вас. Я так и сделаю.

– Лайон привез ваши чемоданы. – Грейси кивнула на багаж.

– Да. Очень мило с его стороны, – сказала Энди, но Грейси не заметила сарказма:

– А теперь я вернусь вниз и потороплюсь с ленчем. Ванная здесь. – Она указала на дверь. – Я там все приготовила, но если что пропустила, то выйдите на площадку и крикните мне.

Энди засмеялась:

– Хорошо.

Грейси улыбнулась. Сложив руки на животе и чуть склонив голову, она оглядела Энди с головы до пят. И, очевидно, осталась довольна тем, что увидела.

– Думаю, генерал прав. Ваше пребывание здесь... будет для нас интересным. – И, прежде чем Энди успела удивиться загадочному утверждению, Грейси продолжила: – Ленч в полдень.

Грейси ушла, и Энди осталась одна. Она сняла помятый костюм, который еще утром был безупречно чист и свеж, и попыталась вытряхнуть из него пыль. Затем приняла душ и надела привычную одежду – юбку и тенниску.

Расчесывая волосы, она подошла к окну и принялась разглядывать двор.

Вот из-за гаража вышел Лайон. Он подошел к мистеру Хьютону, который, стоя на коленях, высаживал оставшиеся саженцы. Вытащил из джинсов рубашку и начал расстегивать пуговицы. Снял ее и повесил на нижнюю ветку пекана.²

Энди не отрываясь следила за его движениями. Они были удивительно естественны, непритворны, и в то же время создавалось впечатление, что он исполняет партию героя-любовника в балете.

Энди почувствовала, что сердце ее забилось быстрее.

Схватив за ручки садовую тачку, Лайон провез ее несколько метров. При этом его широкие плечи напряглись так, что стал заметен каждый литой мускул под загорелой кожей. Грудь его была покрыта темными курчавыми волосами. В верхней части торса они образовывали широкую полосу, которая, постепенно сужаясь книзу, исчезала в джинсах.

Лайон рассмеялся каким-то словам мистера Хьютона, сверкнув белозубой улыбкой. Морщинки вокруг глаз придавали ему смешливое, задорное выражение. Раньше Энди не видела его таким. Он всегда был насторожен, полон неприязни, раздражения. А еще высокомерия и наглости.

Взглянув на свои часики, Энди отошла от окна. Очевидно, Лайон не собирался на ленч.

* * *

Энди очень понравился салат из зелени с тертым сыром и ломтиками холодной индюшатины.

– Я подумала, что вы питаетесь в основном салатами, – заметила Грейси. – Для ленча это нормальная еда, но все же я лично прослежу, чтобы вы немного поправились, пока будете у нас.

– Пожалуйста, не беспокойтесь за меня. Когда приедет моя группа, у вас будет дел невпроворот. Мы внесем хаос в ваш безупречно чистый, тихий дом. Я могу вам только пообещать, что мы постараемся вести себя насколько возможно аккуратно и скромно.

– Еще никому не удавалось создать в этом доме такой беспорядок, с которым я не могла бы справиться. Делайте все, что сочтете нужным.

* * *

– С вашего позволения, генерал Рэтлиф, я хотела бы сегодня побродить по дому. Нужно найти подходящий интерьер для съемок.

– Разумеется. Дом в вашем распоряжении.

– А где вы чувствуете себя спокойнее всего?

² Разновидность орехового дерева – орех-пекан. (Прим. пер.)

– Большую часть времени я провожу в солнечной комнате, той самой, где вы нашли меня сегодня утром, – подмигнув, ответил он. – Или в своей спальне. Бывает, посижу в гостиной.

– Мне бы хотелось, чтобы вы были в естественной, привычной для вас обстановке. Могли расслабиться перед камерами. Я проверю в этих комнатах электрику для подключения аппаратуры и тому подобные мелочи, а вечером позвоню коллегам и скажу, какое оборудование они должны привезти. Вероятно, группа приедет послезавтра.

После ленча Энди провела несколько часов, осматривая комнаты. Она подыскивала наиболее удобные места и с технической точки зрения, и с эстетической.

Энди просмотрела внимательно газетные вырезки, которыми снабдила ее Грейси, отметив, что все газетные статьи датированы первыми послевоенными годами. Именно тогда генерал досрочно ушел с военной службы и вот уже более тридцати лет ведет жизнь отшельника. И так, кроме неожиданного желания спрятаться от широкой известности, ничего таинственного в его жизни не было. Энди исписала два листка блокнота вопросами, которые предполагала задать генералу. До ужина еще оставалось время.

Энди, справедливо рассудив, что ужин не будет официальным, переменила только кофточку, выбрав серовато-бежевую жоржетовую на пуговицах, с глубоким вырезом и широкими рукавами. Волосы в пучок она собирать не стала.

Лайон сидел за столом рядом с отцом. Когда Энди вошла в комнату, он поднял на нее глаза, и их взгляды встретились. Казалось, прошло немало времени, прежде чем она выдавила из себя: «Добрый вечер».

Поднявшись, Лайон помог Энди сесть за стол. От ощущения его близости ее охватил трепет.

Тут же она одернула себя. Во время их последней встречи он вел себя откровенно оскорбительно. Оставил ее на дороге задыхаться в пыли. Но вместо досады и обиды где-то в глубине ее существа появилось то странное чувство, которое преследовало ее со времени их первой встречи. Энди злилась на самое себя.

Генерал, не замечая или не обращая внимания на странное напряжение, возникшее между его сыном и гостьей, склонил голову в молитве. Энди и Лайон последовали его примеру.

Во время молитвы Энди не удержалась от искушения взглянуть на Лайона, сидевшего как раз напротив нее. Но, подняв глаза, она тут же зажмурилась и снова опустила голову: серые глаза напротив смотрели на нее в упор.

– Сегодня Энди начала подыскивать места для съемок, – сообщил генерал, пока Грейси обслуживала Лайона и Энди.

– Что ты говоришь? – Лайон поднял одну бровь.

– Да, – ответила Энди. – Ваш отец был настолько любезен, что дал мне разрешение использовать все комнаты. – Это был намек на негостеприимство Рэтлифа-младшего. Но – увы! – цель не была достигнута. Уголки его губ лишь слегка дрогнули, выражая удивление.

Энди посмотрела на генерала:

– А вы можете выходить на улицу? Мне бы хотелось снять несколько сцен для ролика «Б».

– Ролика «Б»? – переспросил Лайон.

– Так называется дополнительный ролик. Довольно скучно смотреть полчаса на людей, сидящих в креслах напротив друг друга. А если у нас будет такой ролик, мы могли бы смонтировать промежуточные сцены.

Лайон понимающе кивнул.

– Я слишком слаб, чтобы ходить, но Лайон оборудовал дорожку к реке, чтобы я мог добираться туда на своей коляске. Берег реки подойдет для нас?

– Да!

– Хорошо. Тогда после ужина Лайон проводит вас туда, и вы разберетесь, что к чему.

3

– Боюсь, он очень занят и ему не до меня. – Энди не осмеливалась взглянуть на мужчину, сидящего напротив.

– Всего нет, – ответил тот.

Ее вилка со звоном ударилась о фарфор. Энди сделала над собой усилие, чтобы голос прозвучал спокойно.

– Я думаю, гораздо разумнее осмотреть место при дневном свете, – сказала она, обращаясь к генералу. Ей не верилось, что Лайон согласился с предложением отца.

– Конечно. Но вы целый день провели в доме, и прогулка пойдет вам на пользу. А теперь разберитесь с яблочным пирогом и отправляйтесь гулять.

Энди взглянула на Лайона, надеясь, что он поддержит ее, но тот сидел с невозмутимым видом кота, проглотившего канарейку. Неужели он не может придумать предлог, чтобы отказаться от прогулки? Бросив на него сердитый взгляд, она подцепила на вилку кусочек пирога. Конечно, может. Просто он ждет не дождетя очередного случая поднять ее на смех. Но на этот раз он будет разочарован. Она не даст ему ни малейшего повода посмеяться над ней.

– Лайон, по пути зайти на кухню и попроси Грейси принести мне теплого молока, – сказал генерал. – Я что-то очень устал сегодня.

Энди, мгновенно забыв о Лайоне, озабоченно посмотрела на человека, оказавшего ей гостеприимство.

– Папа, тебе нехорошо? – встревожился Лайон. – Позвать доктора Бейкера?

– Нет-нет. Я просто чувствую себя стариком восьмидесяти с лишним лет. Сейчас я отправлюсь в постель и хорошенько высплюсь. Мне хочется выглядеть во всей красе, когда Энди будет брать у меня интервью. – И он снова подмигнул ей.

Поддавшись внезапному порыву, она подошла к генералу и поцеловала его в щеку.

– Спокойной ночи, генерал Рэтлиф.

– Забудь про молоко, Лайон. Думаю, я лягу спать прямо сейчас.

Он помахал им рукой, пожелал спокойной ночи и выехал из комнаты.

– А он... Он может позаботиться о себе сам? Делает все без посторонней помощи? – мягко спросила Энди.

Лайон печально вздохнул:

– Да. Он настоял, что будет одеваться и раздеваться сам. Хотя, я знаю, это отнимает у него много сил. Он очень гордый. Не соглашается принимать помощь даже от санитара.

Он грустно посмотрел на дверь, за которой только что скрылся отец, затем легонько встряхнул головой и обратился к ней:

– Вы закончили с пирогом?

Энди отправила в рот последнюю хрустящую корочку.

– Бесподобно! – воскликнула она и принялась изящно облизывать кончики пальцев. Покончив с этим, она повернулась к Лайону и... замерла. Он сосредоточенно, не отрываясь смотрел на ее губы.

– Кажется, вы кое-что пропустили, – тихо сказал Лайон, взял ее руку и поднес пальцы к своим губам.

«Боже мой, – пронеслось в мозгу Энди, – если он это сделает, я умру».

Ее как магнитом тянуло к нему. Острое желание почувствовать мягкие, скользкие прикосновения его губ и языка захлестнуло Энди.

Но нет, он не коснулся ее пальцев, а легко и нежно стал сдувать с них оставшиеся крошки.

Комната поплыла перед ее глазами, и она с трудом сдержала стон, готовый вот-вот сорваться с ее губ.

– Лайон, Энди, вы закончили? – послышался голос Грейси. Лайон выпустил руку Энди и отшатнулся от нее. Грейси вошла в комнату. – Хотите, я приготовлю вам кофе во внутреннем дворе?

– Мы собираемся сходить к реке, – ответил Лайон за них обоих. – Может быть, выпьем кофе, когда вернемся. Я не знаю, долго ли мы прогуляем. Если хочешь, иди спать.

– Я помою посуду и схожу проверить, как там генерал Рэтлиф. Кофе будет ждать вас. На случай, если мы сегодня не увидимся, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Грейси, – сказал Лайон.

– Спокойной ночи и спасибо за вкусный ужин, – попрощалась с ней Энди, от души надеясь, что Грейси не заметила ее смятения.

– На здоровье. А теперь оба убирайтесь с моей дороги. Идите себе гуляйте.

Через святая святых Грейси – кухню – они вышли из дома.

– Она готовит для всех ваших рабочих? – Энди уже знала, что ранчо Рэтлифов похоже на маленький городок, на территории которого живут несколько десятков ковбоев со своими семьями.

– Многие годы она готовила для одиноких мужчин, которые жили во флигеле. – Он указал на здание слева от входа во внутренний двор. – Но, когда отец заболел, я нанял для той кухни другую кухарку. Теперь самая главная забота Грейси – следить за его здоровьем, когда я в отъезде. Она приехала сюда с моими родителями, – продолжал он, – когда построили этот дом. Мне было десять лет, когда умерла моя мать. И с тех пор Грейси заботилась обо мне.

По аллее, обсаженной дубами и ореховыми деревьями, они шли вниз к реке. Был великолепный вечер. В темно-фиолетовом небе, словно театральная декорация, висел рогатый месяц. Легкий ветерок приятно охлаждал их лица. Пахло свежескопанной, влажной землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.